

ФУРМАНОВ И БАБЕЛЬ

Сообщение Л. К. Кувановой

Фурманов и Бабель почти одновременно вошли в молодую советскую литературу и по праву заняли в ней видное место. Писатели разных биографий, разной творческой судьбы, столь непохожие друг на друга, они часто встречались и беседовали на литературные темы. И Фурманов, и Бабель — в недавнем прошлом участники гражданской войны: один был комиссаром легендарного начдива Чапаева, другой — бойцом Первой Конной армии Буденного. Война обогатила творческое сознание обоих писателей. Она пробудила стремление запечатлеть в художественном слове события революционной эпохи, великое движение народных масс. Но различное мировосприятие предопределило и различный подход к изображаемой действительности: Фурманова привлекала прежде всего героическая тема, Бабель же, создавая «Конармию», снижал героику, не чуждаясь натуралистических сцен и экзотических образов.

Вначале Фурманов познакомился с Бабелем по его сочинениям. Многочисленные заметки о произведениях Бабея и выписки из критических статей о нем, сохранившиеся в Отделе рукописей ИМЛИ, подтверждают все возрастающий интерес Фурманова к творчеству молодого советского прозаика.

«Правда», отмечая в 1924 г. выход в свет четвертого и пятого номеров журнала «Красная новь», писала о рассказах Бабея, помещенных в этих номерах. Бабель был назван «восходящей звездой нашей литературы». Рецензент указывал на яркость и свежесть образов писателя, скупую характерность диалога и эпическую силу его миниатюр, но предостерегал его от «опасных уклонов — натурализма и эротизма». Отзыв заканчивался признанием, что «у Бабея безусловно большой и самобытный талант»¹. Примерно в этом же духе писали о Бабеле и другие критики.

Творчество Бабея вызвало не только широкий интерес, но и жаркие споры. В дискуссии принял участие С. М. Буденный, выступивший со статьей «Бабизм Бабея» в журнале «Октябрь»². В пятом номере «Красной нови» за 1924 г. появилась большая статья А. К. Воронского о Бабеле³.

Выступление Буденного и многочисленные критические отклики в прессе о «Конармии» привлекли внимание литературной общественности. У писателей и критиков назрело желание высказаться по поводу этой книги, обменяться мнениями. По инициативе редакции журнала «Октябрь» решено было организовать специальный вечер с участием «главного прокурора» бабелевской «Конармии» — самого командующего Первой Конной — С. М. Буденного и «обвиняемого» — Бабея. «Правда» 29 ноября 1924 г. поместила объявление: «В Доме печати. Собеседование о героях „Конной армии“ Бабея, под председательством В. П. Полонского, при участии Буденного. Начало в 8 1/2 час. веч.»⁴. Такое же объявление было помещено в «Вечерней Москве»⁵.

В связи с подготовкой к предстоящему диспуту Фурманов, которому было поручено его провести, внимательно перечитывал материалы дискуссии о Бабеле и делал краткие конспективные записи.

Фурмановские заметки о творчестве Бабея состоят из 19 пунктов:

БАБЕЛЬ

1. Культурен.
2. Много работает.
3. Зрелость таланта.
4. Бесстрастность.
5. Медлительность.
6. Спокойствие.
7. Сюжетность.
8. Занимательность.
9. Лиричность, местами.
10. Бабель-миниатюрист.
11. Любит здоровье, силу, кровь.

12. Реалист.
13. Любит брать грубое, сырое.
14. Нет боев.
15. Нет массы.
16. Нет подлинных коммунистов.
17. Побудительные стимулы мелки.
18. Нежданность мыслей.
19. Всегда — движение, борьба⁶.

Если сопоставить эти заметки Фурманова со статьёй Воронского о Бабеле, то можно увидеть, что большинство фурмановских тезисов совпадает с основными положениями статьи Воронского.

Так, Воронский пишет о Бабеле: «Он культурен», — и вслед за ним Фурманов отмечает: «Культурен». Воронский констатирует: «твёрдость, зрелость, уверенность... которая дается не только талантом, но и упорной, усидчивой работой». Фурманов пишет: «Много работает», «Зрелость таланта».

Дальше у Воронского: в своих миниатюрах «Бабель бесстрастен, спокоен, медлителен». В заметках Фурманова соответственно этому сказано: «Бесстрастность. Медлительность. Спокойствие». У Воронского — «Он занимателен и сюжетен», у Фурманова — «Сюжетность и занимательность».

«Бабель-миниатюрист» — дословно у обоих.

Воронский пишет, что «Бабель любит кровь, мясо, мускулы, румянец...», Фурманов вторит ему в своих записях: «Любит здоровье, силу, кровь».

Воронский считает, что в творчестве Бабеля «мечтатель сталкивается в нем с реалистом, ощутившим глубокую правду непосредственной, реальной жизни...» Фурманов кратко записывает: «Реалист». Воронский дальше снова отмечает: «Бабель намеренно берёт самые грубые, неотесанные куски жизни...» У Фурманова то же самое сокращенно: «Любит брать грубое, сырое...».

В главе III Воронский, защищая автора «Конармии» от нападок и упреков «военных работников», пишет: «Конармия Бабеля нигде не дерется. Мы не видим ее в боях». У Фурманова кратко: «Нет боев». У Воронского: «Нет также Конармии как массы». У Фурманова опять кратко: «Нет массы». У Воронского: «В „Конармии“ Бабеля нет подлинных коммунистов», у Фурманова: «Нет подлинных коммунистов».

На первый взгляд кажется, что в этих последних пунктах, как и в предыдущих, имеется полное совпадение, однако это не совсем так.

Конспективные записи Фурманова полностью соответствуют отдельным фразам Воронского, взятым вне контекста. Но, упоминая об упреках автору «Конармии», Воронский возражает противникам Бабеля, обвиняющим писателя в том, что он погрешил против жизненной правды, не показав ни боев, ни сражающихся масс, ни бойцов, ни командиров-коммунистов.

Воронский пишет по этому поводу: «Все эти и подобные указания могут быть верны, или неверны, или отчасти верны, но бьют мимо цели». Воронский доказывает дальше, что поскольку Бабель не ставил перед собой задачи давать Конармию в агитационном, «митинговом» духе, то для него вовсе не обязательно изображать ее участников в героическом виде. По Воронскому, Бабель в качестве миниатюриста и импрессиониста (кстати, об импрессионизме Фурманов не упоминает) свободен в своих творческих исканиях и порывах и волен выборочно подходить к наблюдаемым им явлениям и персонажам. Между тем у Фурманова совершенно категорически сказано: «Нет боев», «Нет массы», «Нет подлинных коммунистов». В этой части суждений Воронского о Бабеле Фурманов, по-видимому, резко расходится с ним в оценке писателя. Фурманов явно считает недостатком Бабеля то, что он не отразил во всей полноте описываемые им события и допустил столь существенные просчеты.

Воронский, говоря о побудительных стимулах борьбы героев «Конармии», приходит к выводу, что они далеки от коммунизма, но в их действиях — «подлинный революционный пафос». Он усматривает в их действиях правдоискательство и поиски справедливости. Все это Фурманов опускает, как не соответствующее, по-видимому, его собственным представлениям о творчестве Бабеля.

Таким образом, есть основания считать, что взгляды Фурманова на творчество Бабеля во многом близки взглядам Воронского, но они не совпадают с ними полностью. Фурманов определенно имел в этом отношении «свое суждение» в противовес мнению известного критика.

Следующие два листка с конспективными записями Фурманова за небольшими исключениями повторяют друг друга. На первом листке из серой оберточной бумаги Фурманов пометил 4 пункта, характеризующие творчество Бабеля:

1. Лаконизм, законченность, мастерство.
2. Яркая оригинальность.
3. Органическая связь формы с содержанием.
4. Красочный, сочный народный язык?

Под этими записями добавлено еще следующее утверждение: «Миниатюры («Красная новь») дышат скептицизмом». Ниже указан номер журнала «Октябрь», в котором была помещена статья Буденного против Бабеля.

Все эти записи помечены Фурмановым крестиками, что было сделано, очевидно, при перенесении их на другой листок. На втором листке без нумерации Фурманов повторяет записи предыдущего листка. Заметки Фурманова на обоих этих листках являются кратким конспектом статьи Г. Лелевича о Бабеле, помещенной № 1(5) журнала «На посту» за 1924 г.⁸

Фурманов строго следует за Лелевичем, ничего не добавляя от себя и используя его подлинные выражения. Лелевич пишет в статье о Бабеле: «Но уже первые его вещи выказывают все признаки огромного таланта и мастерства: изумительный лаконизм, умение немногими словами дать законченный, навсегда врезающийся в память образ, яркая оригинальность, полное неразрывное соответствие между формой и содержанием, несравненный, красочный, сочный, выразительный народный язык...» Далее он пишет: «Его миниатюры... дышат интеллигентской рефлексией и скептицизмом».

Приведенная цитата с достаточной ясностью указывает на конспективный характер записей Фурманова, сделанных им по этой статье.

Такие подробные сопоставления приведены нами потому, что долгое время в литературе о Фурманове считалось, что все эти заметки являются совершенно самостоятельными, сделанными в процессе изучения творчества Бабеля (см., например, публикацию в т. 4 Собр. соч. Фурманова). Только А. Г. Дементьев во вступительной статье к однотомнику Воронского впервые указал на источник заметок Фурманова о Бабеле⁹. Но Дементьев не отметил, однако, существенного на наш взгляд обстоятельства: работая над статьей Воронского, Фурманов включал в свои заметки только те формулировки, которые встречали его одобрение.

Как мы уже говорили, заметки Фурманова связаны, по всей вероятности, с подготовкой диспута о творчестве Бабеля. Фурманов был организатором этого диспута, о чем свидетельствуют, в частности, его «дневки-летучки» — листки с записями дел, намеченных на ближайшее время. Здесь дважды повторяется: «Вызвать Бабеля в Дом печати 29 ноября»¹⁰.

В фонде Фурманова (Отдел рукописей ИМЛИ) сохранился также его конспект диспута¹¹, на котором он произнес вступительное слово.

Конспект представляет собой рукопись, состоящую из семи листов, вырванных из блокнота, с карандашными записями, помеченными римскими и арабскими цифрами, из которых первые обозначают краткие тезисы выступления самого Фурманова, а вторые — выступления участников диспута. Вступительное слово Фурманова состоит из пяти следующих тезисов:

- I. Дифференциация общества и писательских групп. Бабель — близкий.
- II. Наша Конармия геройская, а тут?
«Соль», «Два Ивана», «Мой первый гусь», «Сашка-Христос», «Афонька-Бида», «Письмо».
- III. Берет мелочи, а крупного не видит.
- IV. Мастерство художника.
- V. Его надо вести за собой.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ И. Э. БАБЕЛЯ «КОНАРМИЯ»
(М.—Л., 1927 г.)

Обложка по рисунку П. А. Алякринского
По составу рассказов и внешнему виду это издание точно повторяло первое

На обороте этого листка имеется еще одна зачеркнутая запись — «Финал: большой мастер, но требует поддержки». Фурманов зачеркнул ее, так как она уже повторяет предыдущие — четвертый и пятый тезисы.

К этим тезисам Фурманов добавляет еще 14 основных положений, характеризующих стиль писателя.

- I. Нет ненужных звеньев: сказал и — едет. А не то, что «уселся, да собрался, да вздохнул и т. д.»
- II. Сочность языка.
- III. Краткость речи.
- IV. Некая схематичность.
- V. История жизни — в двух словах («Сашка-Христос»).
- VI. Разбросанность местами и растрепанность, не видно идеи, сюжета («Иваны»).
- VII. Горькая правда — все почти венерики
(«Иваны» — Ив. Акинфиев, «Сашка-Христос» и отец тоже).
- VIII. Мазками — все
(«Афонька-Бидя»).

IX. Портреты — мастерски.

(Тимошенко из «Мой первый гусь»).

X. Буйная разбойность.

(Встретили в «Гусе» и сундучок отбросили).

XI. Психологические переходы законны.

(Убил гуся — и красноармейцы принимают охотно, как «своего»).

XII. Глубокие родные интересы красноармейца-крестьянина — о доме, о жизни и т. д.

(«Письмо»).

XIII. Манера перебежек.

(«Письмо» — то о зарезе, то о Воронеже, то о кунах — элементарно психологически правильно!)¹².

XIV. Бабель больше берет сторону кроваво-садистскую, чем героическую.

Дальше в конспекте Фурманова идут записи, сделанные им по ходу собрания. Он также кратко записывает основные мысли выступавших, вопросы, возникшие в процессе обсуждения, и возражения участников диспута по поводу его собственных высказываний.

Записи по ходу собрания так и озаглавлены Фурмановым:

«Собрание 29 ноября в Доме печати»:

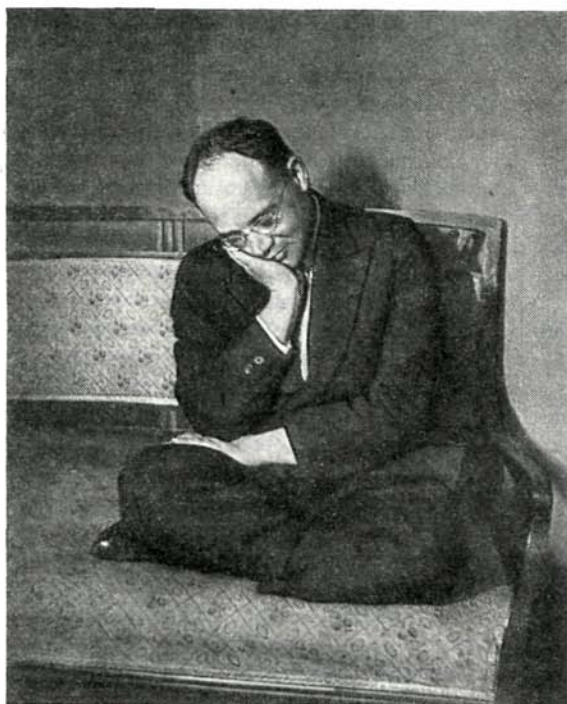
1. Помогает ли Бабель обществу?
2. Хорошего не надо говорить об Армии — это все знают. (А дурное разве не знают?).
3. Путица разрешил бригаде перерезать вражью часть, а это мог ли дать художник?
4. Произведение и крупность темы — неразрывны.
5. Бабель, может быть, «пропустил» положительные стороны «Конармии». Ему нечего сказать, потому и ругается.
6. Воронский: Чичиков напился, играл с Ноздревым и т. д. Там не о чем больше говорить, а тут?
7. Соль рассказа «Соль», а вообще убивали разве не во имя чего-либо? Мы согласны, что так должно быть?
8. Говорят, что он художник, но тогда за что его вообще порицать. (Я говорил о мастерстве — оно может быть и у Бабелей.)
9. Тощие мыслишки тов. Фурманова не дают пищи спору. (Но у меня было введение, меня безответственно Воронский может назвать медным лбом. Буденного нет.)
10. Верно ли Бабель дал Конармию в той части, которую он взял? (Можно бы и о капиталистах писать только хорошее.)
11. Лелевич не согласен с моей оценкой «Соли» и «Письма».
12. Шкловский: бывают писатели вредные, но хорошие.
13. Вы пишете плохо (т. е. МАПП, потому что выпрямляете).
14. Родов: на чью пользу работает Бабель? Это важно.
15. Письмо Мельникова превосходно именно этим:
 - а) из-за белого коня не из РКП ушел¹³.
 - б) дай не только «Мой скандал» и «Как я брал Ровно»?
16. Лежнев: так «выпрямляя» линию Бабеля — можно его угробить.
17. Бабель не учит — о Конармии.
18. Каждый читатель поймет Бабеля правильно.
19. Сейфуллина — как это при Родовых уцелели Бабели?
20. «Конармию» рабочие и крестьяне не читают, он не настолько популярен (а это — дефект).
21. Либединский — против Сейфуллиной: она не хочет быть «казенной» — что это?
22. Левилов: Бабель за столом, а Буденный на коне — это нормально¹⁴.
23. Болтовня — «На посту»¹⁵.

И. Э. БАБЕЛЬ

Фотография, 1928 г.

Сделана для журнала «Чудак» в связи с возобновившейся полемикой вокруг «Конармии» (опубликована в «Чудаке», № 1, декабрь 1928 г.)

Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Москва

24. Художественное произведение времени революции не может быть контр-революционным.
25. Бабеля нет нужды комментировать себя.
26. Раскольников — против Сейфуллиной. Бабеля не будут читать рабочие и крестьяне.
27. Тарасов-Родионов: на Бабеля влиять можно, он может поддаться!
28. Полонский Вячеслав: против точки зрения Шкловского, будто литература не связана с классом.
— Воздействовать на писателя надо примером: пиши сам лучше.
— Не требуйте от Бабеля, чтобы он смотрел глазами пролетариата.
29. Воронский: если Бабеля будут править напостовцы — его погубят вовсе.
30. Лелевич.
31. Мое заключение.

Последний листок, относившийся к диспуту о Бабеле в Доме печати, вырван из другого блокнота, меньшего формата и содержит восемь записей, из которых три последние (6, 7, 8) зачеркнуты Фурмановым.

Записи следующие:

1. Хаял ли я Бабеля?
2. Воронскому было нечего сказать, и он ругается.
3. Может ли художник писать клевету?
4. О «Соли» и «Письме».
5. Сейфуллина о рабочих и крестьянах.
6. Шкловский против выпрямления — как это понимает Воронский
7. Левилов о болтовне «На посту» — требует от Бабеля лишку.
8. Сифилисом и грабежами Бабель подымал Левилова «на высоту»¹⁶.

Приведенные 8 записей относятся, по-видимому, к заключительному слову Фурманова.

Краткий отклик на состоявшийся диспут поместила «Вечерняя Москва» 8 декабря 1924 г.:

«Состоялась первая дискуссия „О героях произведений Бабеля“, вызвавшая прения, в которой приняли участие гг. В. Полонский, Фурманов, Лелевич, Воронский, Родов, Раскольников, А. Лежнев, Сейфуллина, Либединский и др.»¹⁷.

Эта заметка, несмотря на свою краткость, представляет определенный интерес, так как она подтверждает, что ни Буденного, ни Бабеля на диспуте не было. Это видно и из записей самого Фурманова, который, конечно, указал бы на их присутствие и отметил бы их выступления. Даже отрывочные записи Фурманова позволяют судить о том, что диспут фактически перерос рамки обсуждения творчества одного писателя.

На основании кратких, торопливых записей фурмановского конспекта, а также его выписок из статей Воронского можно сделать вывод, что Фурманов считал Бабеля художником большого таланта и мастерства, он высоко ценил его рассказы, в которых отразился богатейший жизненный материал, накопленный писателем во время пребывания в Первой Конной армии. Но, по мнению Фурманова, Бабелю не удалось в полной мере показать героизм бойцов и командиров Первой Конной, а главное — ведущую роль коммунистов в битве за победу революции. Отношение Фурманова к Бабелю включает борьбу за него, стремление приблизить этого своеобразного художника к магистральной линии советской литературы. «Его надо вести за собой», «большой мастер, но требует поддержки» — формулирует Фурманов. Активно доброжелательное отношение к Бабелю Фурманова, который считал своим прямым долгом литератора-коммуниста не только поддерживать автора «Конармии», но и влиять на него, особенно ярко проявилось после того, как завязалось их личное знакомство. Это произошло, очевидно, в то время, когда в Госиздате готовили отдельное издание «Конармии». Фурманов работал там в качестве редактора отдела художественной литературы. Несколько ранее, до личной встречи, Бабель писал Фурманову из Сергиева 6 декабря 1924 г.:

«Уважаемый т. Фурманов,

Очередной припадок графомании держит меня в Сергиевском плену — вырваться никак не могу. Не сетуйте на меня за промедление с Конармией. От промедления этого произойдет польза всем трем договаривающимся сторонам — т. е. Госиздату, рукописи, мне. Я рукопись все еще подправляю, кроме задичавших казаков, там появились и смертные люди, это меня радует. В следующий мой приезд в Москву — зайду к вам и мы обо всем подробно поговорим.

Искренне преданный

Сергиево, 6.12.24».

И. Б а б е л ь¹⁸

После этого письма Бабель дважды заходил в Госиздат, но не заставал Фурманова. Об этом упоминается в дневнике Фурманова (запись от 17 декабря 1924 г. — день, когда писатели впервые встретились лично).

Вот как описана эта встреча в дневнике:

«Входит в купеческой основательной шубе, собольей шапке, распахнут, а там: серая толстовка, навывпуск брюки... Чистое, нежное с морозцу лицо, чистый лоб, волоски назад черные, глаза острые, спокойные, как две капли растопленной смолы, посверкивают из-под очков... Поздоровались. Смотрим пристально в глаза. Он сел и сразу к делу:

— Вы здесь заведуете современной литературой... Я знаю... Но хотелось бы вам еще сейчас кое-что сказать, просто как товарищу... Вне должностей.

— Конечно, так и надо.

— Я вам опоздал все сроки с „Конармией“, уже десять раз надувал. Теперь просил бы только об одном: продлить мне снова срок».

Дальше Фурманов пишет, что Бабель представит к 15 января 1925 г. все 50 глав сборника, причем 10 из них будут «большие, серьезные, в них будет положительное о коннице, они должны восполнить будут пробел...»¹⁹

Во время этого посещения Госиздата Бабель рассказывал о некоторых интересных фактах своей биографии, упомянув о начале литературного пути и роли Горького.

По поводу сборника рассказов «Конармии» Бабель высказался очень трезво, отмечая и достоинства книги и ее слабые стороны: «Что я видел у Буденного — то и дал... Вижу, что не дал я там вовсе поллитработника, не дал вообще многого о Красной Армии — дам, если сумею, дальше. Но уж не так оно у меня выходит солоно, как то, что дал. Каждому, видно, свое...»²⁰

Следующая встреча Фурманова с Бабелем состоялась через два дня. В записи, датированной 20 декабря, Фурманов пишет: «Вчера пришел ко мне Бабель. Сидели мы с ним часа четыре, до глубокой ночи...» В этот раз писатели говорили о журналах, книгах, о литературном замысле Бабеля, собиравшегося писать «большую вещь о ЧК». «Главный разговор, — отмечает Фурманов, — о „Чапаеве“»²¹. Далее приводится отзыв Бабеля о «Чапаеве» и его советы Фурманову как писателю. «Это — золотые россыпи, — заявил он мне. — „Чапаев“ у меня — настольная книга. Я искренне считаю, что из гражданской войны ничего подобного еще не было. И нет. Но мало как-то эту книгу заметили. Мало о ней говорили. Я сознаюсь откровенно — выхватываю, черпаю из вашего „Чапаева“ самым безжалостным образом. Вы сделали, можно сказать, литературную глупость: открыли свою сокровищницу всем, кому охота, сказали щедро: бери! Это роскошество. Так нельзя. Вы не бережете драгоценное. Вся разница между моей „Конармией“ и вашим „Чапаевым“ та, что „Чапаев“ первая корректура, а „Конармия“ — вторая или третья. У вас не хватило терпенья поработать, и это заметно на книге — многие места вовсе сырые, необработанные. И зло берет, когда их видишь наряду с блестящими страницами, написанными неподржаемо». «Мне даже стало чуть неловко слушать», — со свойственной ему скромностью отмечает в скобках Фурманов. «Вам нужно медленней работать, — продолжал свои рекомендации Бабель. — И потом, Дмитрий Андреевич, еще одно запомните: не объясняйте! Пожалуйста, не надо никаких объяснений — покажите, а там читатель сам разберется! Но ваша книга — исключительная. Я по ней учусь непрестанно»²².

Отвечая на упреки Бабеля, Фурманов ссылался на условия создания «Чапаева» — «писал урывками от работы... и т. д. и т. д.... Потом материальная нужда тех дней, неугомонное авторское самолюбие, жажда скорее выйти в свет...» «Теперь я вижу сам, — заключает этот разговор Фурманов, — что, начав в 1922, надо было выпускать „Чапаева“ не в 23-м, а может быть, только теперь в 24—25 году! Это было бы солоно. И хорошо. А то в самом деле — надо еще много сделать! И я надумал „Чапаева“ обработать — переработать, кроме того, дать ряд новых глав».

Заканчивая запись об этой встрече, Фурманов пишет: «Простились с Бабелем радушно. Видимо, установятся хорошие отношения. Он пока что очень мне по сердцу»²³.

Следующее упоминание о Бабеле содержится в записи Фурманова, помеченной им 22 апреля 1925 г. Запись носит название: «Мой „правый“ уклон». Полемизируя с представителями «напостовства», обвинявшими его в «правом уклоне», Фурманов определяет свой «правый уклон» как «правильный» и в числе крупных просчетов противников указывает: «С попутчиками вроде Сейфуллиной, Бабеля, Леонова преступно задерживаются отношения, их уже можно брать в орбиту нашего воздействия»²⁴. Фурманов, в отличие от «напостовцев», видевших в писателях-попутчиках чуть ли не врагов советской литературы, считает нужным привлечь этих писателей к более тесному сотрудничеству с пролетарскими писателями.

В мае 1925 г. Фурманов в единственном, сохранившемся черновом наброске письма пишет Бабелю:

«Уважаемый Исаак Эммануилович,

Прежде всего: уезжаю на два месяца из Москвы в конце мая. До отъезда хочу видиться. Телефоны: 4—92—39 (раб.) и 2—36—54 (дом.). Во-вторых — книгу <...> так у меня и заматал? Это по меньшей мере грабеж среди бела дня. Подлежит возврату. В-третьих — в том ночном разговоре Исаак Эммануилович крепко уверял, что есть охота написать свое мнение о „Чапаеве“ и где-то его поместить (в „Красной нови“, „Правде“ или где еще) — написал ли за время отдыха, удосужился ли?

Для меня этот вопрос не безразличен по соображениям, которые тогда я в беседе высказывал. Если мнение о книжке осталось прежнее, если охота не пропала, — буду рад, коли напишете о самой для меня дорогой, любимой работе, о Чапаеве.

Жму крепко руку

Д. Ф.

Р. С. Читал ли новую книгу мою „Мятеж“?

Р. Р. С. Адрес мой: Нащекинский пер., 14/1»²⁵.

Бабель ответил Фурманову коротким письмом из Сергиева 26 мая 1925 г.:

«Дорогой Дмитрий Андреевич, письмо ваше получил с опозданием, потому что уезжал в Ярославскую губернию к приятелю в деревню. Дня через три буду в Москве и замолю все мои грехи перед вами.

Ваш И. Бабель

Сергиево, 26/V.25»²⁶.

Слова Бабеля «замолю все мои грехи перед вами» — очевидно, имеют в виду исполнение обещания написать рецензию на «Чапаева» и возвратить взятую у Фурманова книгу. Однако через три дня Бабель уже не застал Фурманова в Москве, так как он 28 мая уехал на Кавказ, где сначала лечился в Мацесте, а потом путешествовал по побережью.

Писатели встретились вновь только 20 августа 1925 г. За это время до Фурманова доходили вести, что у Бабеля астма, что он лечится где-то на Кавказе и был чуть ли не при смерти. Появление Бабеля рассеяло эти неосновательные слухи.

«Теперь я видел перед собою широкого, смеющегося, здорового человека...»²⁷ — записал Фурманов. Бабель рассказал о встречах с Воронским и недооценке им Фурманова как писателя. «Бранюсь с ним часто из-за вас, — сказал Бабель, — не считает он ваше творчество художественным... „Форма, — говорит, — не та... На выучку бы мне Фурманова дать, я б его вышколил...“»²⁸. Попутно Бабель сообщил Фурманову, что Воронский отклонил его предложение включить Фурманова в список писателей, портреты которых надо дать в «Красной нови». Интересна реакция Фурманова на это сообщение Бабеля.

«Я следил за собой, — пишет Фурманов, — злюсь ли я на Воронского? И к удивлению своему обнаружил: ничуть. Отчего? Верно, оттого, что неожиданного, нового тут нет для меня ничего: это ж так естественно, логично. Это же лишь часть его общей системы, взглядов в целом — за что тут обижаться? Я не согласен — это да, но.. обижаться!..»²⁹

Бабель опять говорил «о поисках новой формы: старая устарела, не удовлетворяет, а новая не удается». «Пишу-пишу, — говорит, — рву-рву... беда просто, измучился»³⁰

Бабель упомянул также и о своей работе в Госкино.

«Мы говорили долго, за полночь»³¹, — записал Фурманов.

«Я чувствую, как благотворно, успокаивающе, бодряще действуют на него мои спокойные слова. Он любит приходить, говорить со мной. Мне любо с ним говорить — парень занятый»³².

На следующий день, 21 августа 1925 г., Бабель написал Фурманову письмо, в котором сообщал о судьбе фильма по его роману «Чапаев». Поскольку Бабель говорил Фурманову о своей работе для кино и связанных с этим посещениях фабрики Госкино, Фурманов поручил ему справиться о «Чапаеве».

«Дорогой Дмитрий Андреевич,

Я справлялся на Госкинофабрике о судьбе Чапаева³³. Сейчас все усилия Госкино направлены на постановку юбилейной фильма „1905 год“»³⁴. Съемки 5 года начались всего только неделю назад, а окончить эту махину надо к зиме. Поэтому Госкино, вернее Блюх»³⁵, полагает, что заняться Чапаевым можно будет с весны 1926 года, когда станут доступны натурные съемки и проч. Сiju в Сергиеве, работаю, тшусь ублажить жестокую вашу душеньку. Помогите мне, о муза!

Сергиево, 24/VIII.25»³⁶.

Ваш И. Бабель

ШАРЖ НА СЮЖЕТ РАССКАЗА

БАБЕЛЯ

«МОЙ ПЕРВЫЙ ГУСЬ»

С рисунка Б. Е. Ефимова

«Красная нива», 1927, № 8

Наступил 1926 год, в котором Фурманову суждено было прожить всего два с половиной месяца.

1 января 1926 г. Фурманов записал в дневнике:

«Чапая» — самую любимую мою книгу, моего литературного первенца, мог ли бы я его сделать лучше?»

На этот вопрос Фурманов отвечает уверенно: «Могу» — и дальше пишет: «Помню Бабель как-то говорил мне: Вся разница моих (бабелевских) очерков и твоего „Чапаева“ в том, что „Чапаев“ — это первая корректура, а мои очерки — четвертая. Эти слова Исаака не выпадали из моего сознания, из памяти. Может быть именно они отчасти и толкнули на то, чтоб кавказские свои очерки — материал, по существу, третьестепенный, — обрабатывать с такой тщательностью»³⁷.

Эта запись показывает, насколько внимательно прислушивался Фурманов к голосу Бабеля, говорившего ему о требовательности художника к себе. Сам Бабель был именно таким строгим и взыскательным художником, много и кропотливо трудившимся над отделкой своих рассказов. Признание их окончательной редакции «четвертой корректурой» говорит об упорной работе писателя над словом.

Суждение Бабеля было очень важным для Фурманова. Он приступил к переработке «Чапаева». Анна Никитична Фурманова свидетельствует в своей книге о Фурманове: «В последние месяцы своей жизни он (Фурманов — Л. К.) производил большую работу по правке „Чапаева“. Правил он прямо в книге, где каждая страница испещрена поправками. К сожалению, он успел переработать только сто страниц»³⁸.

24 января 1926 г. Бабель и Фурманов снова встретились. Фурманов отметил дружеский характер беседы, во время которой Бабель увлеченно рассказывал о своем замысле романа о Чека и работе над сценарием и драмой. «Мы очень любим говорить с ним про то, кто и как пишет. Это у нас самое любимое: до двух, до четырех, почти до зари говорим», — записал Фурманов³⁹.

4 февраля 1926 г. Бабель послал Фурманову письмо⁴⁰, где идет речь о рассказах, которые он исправлял, следуя указаниям Фурманова:

«Дорогой дядя Митяй.

Посылаю Конармию в исправленном виде. Я перенумеровал главы и изменил название некоторых рассказов. Все твои указания принял к руководству и исполнению, изменения не коснулись только Павличенки ⁴¹ и Истории одной лошади ⁴². Мне не приходится в голову, чем можно заменить „обвиняемые“ фразы. Хорошо бы оставить их в „первобытном состоянии“. Уверю тебя, Дмитрий Андреевич, никто за это к нам не придерется. Опасные места я выбросил даже сверх нормы, например, в Чесниках ⁴³ и проч. Затем, если это тебя не затруднит, передай Ивану Васильевичу ⁴⁴ мои пожелания касательно внешности книги. Мне очень нравится, как издан Сиверко. Был бы очень рад, если бы Конармию удалось издать в небольшом формате, обязательно небольшим, шрифт пореже, поля побольше и каждый рассказ с новой страницы.

Анне Никитичне ⁴⁵ мой искренний пламенный привет. Дай ей б..., не бог, а Маркс поправиться поскорее, и тогда я поставлю к водке бочонок таких огурцов, каких она отроду не видывала.

Завтра или послезавтра позвоню о дальнейших моих делах и переездах.

Умиляюсь собственной честности, посылаю тебе книжицу Зоценки.

Твой И. Б а б е л ь

Москва, 4/II.26».

На этом примере мы видим, как серьезно и Бабель относился к советам Фурманова, исправляя рассказы «Конармии» при подготовке отдельного издания («все твои указания принял к руководству и исполнению»). Судя по содержанию письма, указания Фурманова касались прежде всего идейной направленности книги.

Через 15 дней Бабель опять написал Фурманову:

«Дорогой дядя Митяй.

Я уехал в Ленинград в гости к „бойцовскому“ одному товарищу. Живется мне здесь хорошо, тихо, возвращаться в Москву пока не хочется. Я дней пять неутомимо вызванивал тебе по телефону, все попытки мои окончились крахом. Если не лень будет — черкни, как идет набор Конармии, когда будет корректура?

Последние сведения, полученные мною о здоровье Анны Никитичны, были очень утешительны, как она себя чувствует? Низкий искренний ей привет.

Я в Ленинграде хочу поработать по-настоящему, чего и вам, милостивый государь, от господина вседержителя желаю.

Любящий тебя И. Б а б е л ь

Ленинград, 19/II.26.

Живу я вроде как за городом, поэтому писать лучше по адресу: Ленинград, Басков пер., 13, кв. 27, Л. Утесову, для меня» ⁴⁶.

Последнее письмо Бабеля к Фурманову (тоже из Ленинграда) было написано 11 марта 1926 г., т. е. за 4 дня до смерти адресата.

«Дорогой Дмитрий Андреевич.

Не сочти за труд и сообщи мне, набирается ли Конармия и, если набирается, то когда приблизительно будет корректура. Я хотел бы внести незначительные, правда, изменения, вот почему этот вопрос меня интересует. Сведения сии разрешается тебе изложить в одной строке, посему не ленись.

Нижайше кланяюсь Анне Никитичне, которая, думаю, в настоящую минуту бесшабашно катается на коньках, ну, скажем, на Патриарших прудах.

Твой И. Б а б е л ь

Ленинград, 11/III.26.

Петроградская сторона, Большой проспект, 106, кв. 11» ⁴⁷.

К сожалению, поскольку архивные материалы Бабеля почти полностью утрачены, ответные письма Фурманова не сохранились, что лишает нас возможности представить переписку писателей во всем объеме.

В отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина нам удалось обнаружить телеграмму Бабеля, посланную жене Фурманова Анне Никитичне сразу же после смерти писателя: «Скорблю всем сердцем утере друга соратника разделяю ужасное ваше горё. Б а б е л ь»⁴⁸.

15 марта 1936 г. Бабель выступил на вечере, организованном Союзом советских писателей в связи с 10-летием со дня смерти Фурманова.

Он сказал: «Я стал перебирать в своей памяти праведников и грешников. Скажу откровенно, что грешников я нашел очень много, а вот настоящего праведника только одного: того человека, который умер десять лет назад и в честь которого мы сегодня собрались. Мне много вечеров пришлось провести с Фурмановым в Нацкеинском переулке (ныне ул. Фурманова.— Л. К.).

Шли разговоры о книге („Чапаев“.— Л. К.). Книжка, разошедшаяся в сотнях тысяч экземпляров, не удовлетворяла Фурманова в полной мере. Рост его был велик; с каждым месяцем способности этого писателя увеличивались. И если бы вы знали, какая любовь к слову, к самому изысканному сочетанию слов, жила в этом человеке, как он прислушивался к звуку греческих поэтов, римских поэтов. В эти моменты я смотрел на него растроганный и потрясенный, он казался мне воплощением пролетария, овладевающего искусством поэзии.

Вспомните его жизнь, он никогда не шел по линии наименьшего сопротивления. До революции он боролся с царизмом, после революции он пошел на фронт, после фронта он выбрал самый опасный участок, участок борьбы <за овладение> поэзией, искусством. Я на своем веку не видел борьбы более страшной и напряженной. Поражала та быстрота, с которой он овладевал искусством. Пожалуй, и это привело его к могиле»⁴⁹.

Взаимоотношения Фурманова и Бабеля, их личная дружба и творческое общение, которое обогащало каждого,— интересная и поучительная страница истории советской литературы двадцатых годов. Фурманов и Бабель представляли два отряда литераторов того времени: писателей-коммунистов и так называемых писателей-попутчиков. На примере этой дружбы наглядно раскрывается плодотворность политики партии, направленной на создание единого лагеря советской литературы. Историческая резолюция ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. потребовала от писателей-большевиков бережного и тактичного отношения к попутчикам. Фурманов был одним из тех замечательных деятелей литературы, кто это решение партии активно проводил в жизнь. История его отношений с Бабелем — лучшее тому свидетельство.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Правда», 1924, № 243, 24 октября.

² С. М. Б у д е н н ы й. Бабизм Бабеля.— «Октябрь», 1924, № 3.

³ «Красная новь», 1924, № 5, август-сентябрь, стр. 276—291.

⁴ «Правда», 1924, № 272, 29 ноября.

⁵ «Вечерняя Москва», 1924, № 274, 29 ноября.

⁶ Дм. Ф у р м а н о в. Собр. соч., т. 4. М., Гослитиздат, 1961, стр. 414—415. В дальнейшем все ссылки даются по этому изданию.

⁷ Отдел рукописей ИМЛИ, ф. 30 (Д. А. Фурманов), оп. 1.

⁸ Г. Л е л е в и ч. 1923 год. <5-й раздел этой статьи посвящен прозе И. Э. Бабеля>.— «На посту», 1924, № 1 (5), стр. 87—88.

⁹ А. Г. Д е м е н т ь е в. А. Воронский-критик. Предисловие к кн.: А. К. В о р о н с к и й. Литературно-критические статьи. М., 1963, стр. 29.

¹⁰ Отдел рукописей ИМЛИ, ф. 30, оп. 1.

¹¹ Там же.

¹² В этом рассказе повествование перемежается разными по характеру сообщениями — прием, названный Фурмановым «манерой перебежек»: мальчик беспорядочно спешит поделиться со своей матерью накопившимися за время разлуки происшествиями и переживаниями.

¹³ В ходе диспута Фурманов сделал запись торопливо. Вероятно, следует читать: «из-за белого коня чуть из РКП не ушел».

¹⁴ М. Ю. Левидов, по-видимому, имел в виду критику Буденным «Конармии», но оставлял за Бабелем право изображать героев в соответствии со своими творческими замыслами.

¹⁵ Очевидно, имеются в виду высказывания напостовцев, в частности С. Родова и И. Вардина. Оба они присутствовали на диспуте о Бабеле.

¹⁶ Фурманов считал, что «наша Конармия героическая, а тут?» С такого вопроса, в котором звучит упрек автору, Фурманов и начал диспут о «Конармии».

¹⁷ «Вечерняя Москва», 1924, № 281, 8 декабря.

¹⁸ Отдел рукописей ИМЛИ, ф. 30, оп. 1.

¹⁹ Дм. Ф у р м а н о в. Собр. соч., т. 4, стр. 240.

В первом абзаце — неверная расшифровка слова: напечатано — «собачьей», следует читать — «собольей».

²⁰ Там же, стр. 341.

²¹ Там же, стр. 342.

²² Там же, стр. 343.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 354.

²⁵ Отдел рукописей ИМЛИ, ф. 30, оп. 3.

²⁶ Там же.

²⁷ Дм. Ф у р м а н о в. Собр. соч., т. 4, стр. 367.

²⁸ Там же, стр. 368.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Вскоре после выхода в свет «Чапаева», по предложению Пролеткино Фурманов начал работу над сценарием по роману. В дневнике Фурманова, относящемся к 1923 г., об этом имеется соответствующая запись: «Пролеткино хочет „Чапаева“ на экран. Просили дать сценарий». Примерно через год Фурманов закончил сценарий. Разрешить проблему экранизации романа ему, по-видимому, не удалось. Фурманов записал в своем дневнике 21 июня 1924 г.: «... с месяц назад Госкино приняло для фильма „Чапаев“ — сценарий будут делать сами. Мой сценарий прочли, говорят: „Книга куда богаче. Вы и половины ее богатств не использовали“».

— Ну, что же, — говорю, — делайте сами, мне все равно.

В конце года, кажется, поставят».

«Чапаев» был экранизирован только в 1934 году. Поставили фильм режиссеры и драматурги Г. Н. и С. Д. Васильевы.

³⁴ В связи с 20-летней годовщиной первой русской революции велась работа над созданием фильмов, посвященных событиям 1905 года. С. М. Эйзенштейн был занят съемками фильма «Броненосец Потемкин» (1925), а В. И. Пудовкин снимал фильм «Мать» по одноименному роману Горького (1926).

³⁵ Я. И. Блюх — советский режиссер, создатель фильма «Шанхайский документ» (1928) о жизни и борьбе китайского народа.

³⁶ Отдел рукописей ИМЛИ, ф. 30, оп. 1.

³⁷ Дм. Ф у р м а н о в. Собр. соч., т. 4, стр. 377. «Кавказские очерки», упоминаемые в записи Фурманова, — это «Магеста», «Адлер», «Новый Афон», опубликованные в «Известиях» в 1925 году.

³⁸ А. Ф у р м а н о в а. Дмитрий Фурманов. М., ОГИЗ, 1938, стр. 36.

³⁹ Дм. Ф у р м а н о в. Собр. соч., т. 4, стр. 379.

⁴⁰ Отдел рукописей ИМЛИ, ф. 30, оп. 3.

⁴¹ Речь идет о рассказе из сборника «Конармия» — «Жизнеописание Павличенки Матвея Родионовича». Этот рассказ впервые опубликован в одесском журнале «Шквал», 1924, № 8.

⁴² «История одной лошади» — рассказ из этого же сборника. Впервые опубликован в журнале «Красная новь», 1924, № 3.

⁴³ «Чесники» — рассказ из сборника «Конармия». Впервые опубликован в журнале «Красная новь», 1924, № 3.

⁴⁴ Иван Васильевич Ефдокимов (1884—1941) — советский писатель. В эти годы работал в Госиздате. Его повесть «Сиверко» была издана в 1925 г.

⁴⁵ Анна Никитична Фурманова (рожд. Стещенко) (1897—1941) — жена Д. А. Фурманова.

⁴⁶ Отдел рукописей ИМЛИ, ф. 30, оп. 3.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ЛБ, Фурм. XVII, № 10.

⁴⁹ Стенограмма выступления Бабеля на вечере, посвященном 10-летию со дня смерти Фурманова, 15 марта 1936 г. («Москва», 1963, № 4, стр. 219). Уточнение в цитированном тексте и исправление ошибки в дате вечера сделано нами. — *Ред.*